

ГИГАНТ РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ

К 150-летию со дня рождения
А. Н. Островского

«Все порядочные люди живут или идеями, или надеждами, или, пожалуй, мечтами; но у всех есть какая-нибудь задача. Моя задача — служить русскому драматургическому искусству...» Это признание чрезвычайно точно определяет главный смысл жизни А. Н. Островского. Он был писателем, всецело преданным русскому театру, всю свою жизнь, каждый ее день подчинившим драматургии.

Островский понимал, какая огромная миссия возложена на него временем, отечественной драматургией. Возможно, эта озабоченность во многом определила те поистине титанические усилия, которые употребил он для создания русского самобытно-национального, народного драматургического репертуара.

«Вы совершили все, что подобало совершить великому таланту... — писал Гончаров Островскому в 1882 году. — Литературе вы принесли в дар целую библиотеку художественных произведений, для сцены создали свой особый мир. Вы один достроили здание, в основании которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: у нас есть свой русский национальный театр. Он по справедливости должен называться «Театром Островского».

Островский хорошо знал свой народ, понимал его душу, его характер. Понимал и восхищался неукротимой широтой и дерзостью русской натуры, ее способностью решительно сбросить с себя рабские путы. «Ах, Варя, не знаешь ты моего характера! — говорит Катерина в драме «Гроза». — Конечно, не дай бог этому случиться! А уж коли очень здесь опустынет, так не удержат меня никакой силой. В окно выброшусь, в Волгу кинусь. Не хочу здесь жить, так и не стану, хоть ты меня режь!».

Катерина у Островского всем своим существом не приемлет косных основ существующего строя. Ее любовь к воле, как справедливо писал Добролюбов, — «выражение истинной силы характера, на которую... можно положиться». Истинно русский характер Катерины помогает нам понять и других героев Островского. Понять нежелание актера Несчастливцева («Лес») променять свободную, хотя и голодную, жизнь странствующего актера на сытое и спокойное существование, понять поступок Жадова («Доходное место») — молодого образованного чиновника, разом сбросившего с себя, казалось бы, победившее его желание устроиться получше, успокоить в материальном довольстве свою молодую жену. «Я хочу сохранить за собой дорогое право глядеть всякому в глаза прямо, без стыда, без тайных угрызений... Я буду ждать того времени, когда взяточник будет бояться суда общественного больше, чем уголовного», — гневно говорит Жадов, отказываясь от «доходного места».

Островский стал народным писателем-драматургом и потому, что он хорошо понимал великое значение театра в духовном росте русского народа. «Бытовой, т. е. современный реалистический репертуар, — писал А. Н. Островский, — великое дело для публики из широких народных кругов. Он покажет, что есть хорошего, доброго в русском человеке, что он должен в себе беречь и всматривать, и что есть в нем дикого и грубого, с чем он должен бороться».

Продолжая демократические традиции русской реалистической драматургии, А. Н. Островский создал театр высокого гражданского и социального мужества. Из спектаклей Малого театра, по праву названного театром Островского, зритель уносил сознание того, как нужно жить, действовать, думать, и как не следует жить, действовать и думать. Островский негодовал, следя за тем, как заедают своих ближних Кабанова и Дикой («Гроза»), как спокойно, с сознанием своей правоты грабят народ купцы и чиновники типа Самсона Сялыча Большова («Свои люди — сочтемся») и Вишневого («Доходное место»), удивительно точно выразившего психологию этих привилегированных хапуг и взяточников формулой: «Не пойман — не вор». Зритель испытывал отвращение, знакомясь с такими ханжами, «волчицами», прикидывающимися «овечками», как Гурмыжская («Лес») и Мурзавецкая («Волки и овцы»), понимая при этом (так внушал ему драматург), что пороки человеческие — не от природы, что они — лишь следствие неразумной социальной действительности, порочности самого господствующего сословия. Беркутов («Волки и овцы»), Паратов («Бесприданница»), Глухов («На всякого мудреца довольно простоты») — люди сильных характеров и большой воли. В другой жизненной обстановке их энергия могла бы стать источником блага для общества. Но в мире, где они живут, в обществе, основанном на интересе «голового чистогана», они становятся хищниками.

Одновременно театр Островского пробуждал в зрителе высокое чувство сострадания ко всем униженным, обездоленным, бесправным.

«Пьесами жизни» назвал Добролюбов произведения Островского именно потому, что драматург черпал характеры, сюжеты, колорит бытовых красок из самой глубины русской жизни. Сюжеты пьес Островского отражали все многообразие человеческих отношений в конфликтах, возникающих между бедными и богатыми, своевольными и бесильными, старшими и младшими. Театр А. Н. Островского (он написал около пятидесяти пьес) — это целый мир, населенный людьми всех возрастов, различных социальных кругов, самых разнообразных профессий и характеров. Необычайно широк временной диапазон действия пьес — времена язычества («Снегурочка»), смутное время борьбы с польскими шляхтичами («Козьма Захарыч Минин-Сухорук»), эпоха царя Ивана Грозного («Василиса Мелентьевна»). Но, конечно же, не историческое прошлое, а современность с ее жгучими общественно-политическими и социально-психологическими проблемами — основной объект внимания А. Н. Островского. В его пьесах эпоха до- и пореформенной поры русской жизни представлена в предельно ёмких типических обобщениях.

Пьесам Островского свойственны ясность драматического конфликта, четкость нравственно-психологического облика персонажей, социальная типичность си-

туации и характеров. При исполнении его ролей требовались яркая типичность, заострение социального звучания, цельность и определенность характеристик. Все это обеспечило пьесам Островского жизненную силу, не только не поблекшую со временем, но и получившую в наши дни особое звучание. Не случайно, что вскоре после Великой Октябрьской революции, в период обостренной переоценки всех ценностей, раздался громкий призыв А. В. Луначарского: «Назад, к Островскому!». Назад от узко-формального и развлекательного театра к театру большого социального содержания, к театру гражданского пафоса, к театру народному.

Драматургия А. Н. Островского — живое свидетельство того, что мировая литература развивается за счет расцвета отдельных национальных литератур. Пьесы Островского идут с большим успехом во всех театрах мира. Особенной популярностью они пользуются у различных народов нашей страны. Причем, это признание началось еще при жизни великого драматурга. В 1883 году 20 октября товарищество грузинской драматической труппы обратилось к Островскому, посетившему Грузию, с адресом, в котором выражало свой восторг перед его талантом: «Пионеры искусства на Востоке, мы убедились и доказали воочию, что чисто русские, народные создания Ваши могут шевелить сердца и действовать на ум не одной только русской публики, что знаменитое имя Ваше столь же любимо у нас в Грузии, как и у вас, в России. Мы бесконечно счастливы, что на нашу скромную долю выпала высокая честь послушать, при помощи Ваших творений, одним из звеньев моральной связи между двумя этими народами, имеющими столько общих традиций и стремлений, столько взаимной любви и симпатии».

И то, что сегодня все прогрессивное человечество чувствует Александра Николаевича Островского как нашего современника, что многие его пьесы не утратили своей актуальности, — свидетельство неуязвимой жизненной силы его драматургии, того, что его пьесы продолжают свою благородную миссию формирования человеческого в человеке.

М. ЛАДАРИЯ,
кандидат филологических наук.